

Александр Михайлович Борщаговский — известный критик, прозаик и драматург. Его мемуарные «Записки баловня судьбы», опубликованные в 1988—1989 гг. журналом «Театр», раскрыли для читателя малоизвестные и горькие страницы нашей истории — в 1949 году Александр Михайлович оказался в числе тех, кого официально именовали «безродными космополитами», он был объявлен членом некой «антипатриотической группы театральных критиков». Заведующий литературной частью Центрального театра Красной Армии и член редколлегии «Нового мира», уже в то время сложившийся литератор, Борщаговский оказался в положении изгоя — был изгнан с работы, выселен из дома, в его адрес неслись угрозы еще более страшные... И все же — «баловень судьбы». Почему?

— Я был счастлив, когда в самом начале работы над «Записками» нашел этот образ или формулу — «баловень». Не появившись во мне этого названия, я бы, вероятно, трудился над записками мучительно долго — а тут буквально за три месяца сложились сотни страниц, и работало мне легко и раскрепощенно. Название как бы уточнило для меня внутреннюю тему и даже интонацию рукописи.

Конечно же, баловень судьбы! И не только потому, что меня миновала судьба лагерная, причем миновала дважды — и в 1937 году, когда я редактировал украинский журнал «Театр» и был зам. начальника Главреперткома Украины (вполне подходящий пост для посадки), и в 1949

Александр Борщаговский:

«Я-БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ»

Мемуары. 1990. — 2-8 ая. (114). — С. 10

году. Главное в другом — судьба решительно и резко поставила меня в положение гонимого, преследуемого, и я не испытал трагического искушения оказаться в рядах преследователей, «разоблачителей» и даже просто молчаливых согластаетов.

Надо сказать, что кампания по борьбе с вымышленными «космополитами» представляла собой угрозу государственных репрессий, преследование не в последнюю очередь по национальному признаку. Толчок к преследованиям был дан достаточно высоко, но осуществлялось все усилиями горстки людей, которых я бы поостерегся отнести к числу подлинных русских интеллигентов. Истинные же русские интеллигенты тогда в этом шабаше участия не принимали. Молчание, печальное, скорбное молчание и тайная поддержка несправедливо гонимых — таково была позиция честных людей, их было подавляющее большинство, и сознание этого прибавляло нам сил. Нравственная позиция русской интеллигенции была для нас, для общества в целом психологически надежным щитом.

Я единственный из той ошельмованной «безродными» группы театральных критиков, кто жив и сегодня. Но мне и выпала горькая возможность увидеть то, что трудно было и вообразить — новый виток шовинистических страстей.

На протяжении последнего времени многое копилось, не получая отпора, и выплеснулось на поверхность, вышло наружу то, что подспудно зрело, и объявилось в формах немисланных, циничных и вполне откровенных. Фразеология 49-го года была завуалированной, «марксистски» законопослушной. На словах все аттестовали себя интернационалистами. Использовались такие обороты, как «беспартейные бродяжки в человечестве», «космополиты» — некий эрзац, жеманная замена простой и понятной «жидовской морды». А сейчас в подобных околичностях отпала нужда, и, оказываясь, можно, ничем себя не стесняя, твердить об опасности мифического жидо-масонского заговора, причитать о лицах еврейской национальности, якобы мешающих расцвету российской словесности. То, что недавно еще только шепталось, только проскальзывало в словесах самой реакционной «васильевской» части «Памяти», становится... знаменем иных литераторов.

В нынешних акциях принимают порой участие люди, чей авторитет значителен, а литературный дар беспорочен.

— Почему же это произошло?

— Стоит попытаться увидеть процесс последних лет в целом, поразмыслить над тем, как в эти годы менялись иные «литературные» лозунги. Вначале вспорхнуло крылатое словечко «некрофилия» — это был бессильный протест одного из наших вельможных, не подлежащих критике литераторов. Он выразил испуг группы пишущих, которых жизнь и превосходящие, но ранее запретные книги стали теснить с журнальных страниц. Они привыкли за десятилетия своей безоблачной, устроенной жизни, что журнальные пло-

щади, огромные тиражи, собрания сочинений, высокие звания — их нерушимая привилегия. Они лучше других знали о том, что «под спудом» хранится драгоценный, до этой поры запретный пласт литературы. И они предприняли попытку остановить, задержать процесс, но попытку абсурдную, обреченную — очень быстро выяснилось, что книги А. Платонова, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, поэмы А. Ахматовой и А. Твардовского нужны, жизненно необходимы народу, вызвали огромный интерес самых широких читательских масс.

Тогда же исподволь, а затем все явственней, был поднят и быстро предельно заострен национальный вопрос. Кто-то же должен быть виноват в том, что происходит и происходит! Националистический козырь доходчив и легко ложится на несущую душу, обаяющую недовольством, тоской и неуверенностью в завтрашнем дне.

Вспоминаю недавние времена. Наше литературное, братское «общечитие» с А. Яшиним, П. Нилиным, Ф. Абрамовым, В. Астафьевым, К. Паустовским, К. Чуковским, В. Кавериним позволяло жить в прекрасном человеческом единении — и разнились все мы своими индивидуальностями, мерой таланта, одаренности — но никому из нас в голову не приходило, что мы разнимся национальностями. А сегодня появились раздатчики высоких званий, пророки, запросто нарекающие друг друга «совестью русской литературы», если не «совестью всего русского народа», хотя зачастую речь идет и о тех, кого народ еще толком не успел прочитывать.

Но самое страшное для нашей литературы случится, если за лукавыми пастьями, проповедующими национализм, устремятся молодые...

— Вы считаете, что молодое поколение может пойти за теми, кого вы называете «лукавыми пастьями»?

— Я уверен, что молодые, но уже опередившие писатели — такие, как Татьяна Толстая, Сергей Каледин, Вячеслав Пьеху (список можно легко продолжить), не пойдут за ними. Но всегда на подходе — новое, юное поколение, и это, естественно, доверчивая паства... Ведь и лидеры, и неопиты клянутся в истинности своей веры. Есть почва для гипноза, массового внушения — процесс идет, и в него вовлекаются все новые люди. К тому же существует постыдный, но действенный аргумент — молодому человеку внушается соблазнительная мысль, что само происхождение дает ему некое преимущественное право, ставит его выше других.

— Но есть ведь и противостоящие силы?

— Безусловно. Примеров множество. Это и самая широкая отповедь экстремистам из «Памяти». И то, что все чаще раздаются призывы прислушаться к голосу разума. И то, какую мощную поддержку едва ли не всей интеллигенции страны получил Анатолий Анянцев, и то, какой гнев вызвала попытка погрома в ЦДЛ...

Это и прекрасная писательская молодежь, люди нравственно чистые, интеллигентные. И, конечно же, радует решительный и несомненный успех демократических сил на выборах в республиканские и местные Советы.

— В русле нашего разговора хочется вспомнить давнюю вашу пьесу «Дамский портной», действие которой происходит накануне трагедии Бабьего Яра.

— Пьеса написана еще в 1965 году, она плод многолетних наблюдений. Думаю, весь опыт моей жизни и судьба вели меня к ней. Национальная рознь, приводящая к геноциду, крови, а то и к истреблению целых народов, — все это не может не потрясать. Оккупация и страсти 49-го года обнажили прежде непонятные нашему поколению вещи — и я начал искать материал трагический, но открывающий в людях силы добра. Я узнал однажды, как погорельцы с Крещатика с ордерами комендатуры в руках приходили к тем, кто наутро должен был покинуть свое жилье и отправиться на железнодорожную станцию якобы для отъезда, а на самом деле в Бабий Яр на уничтожение... Я буквально затрепетал, ощутив, что сама жизнь подарила мне пронзительный сюжет. За одну ночь, вопреки тому, что жизнь сталкивает их в жестком конфликте, вопреки всем различиям — социальным, возрастным, национальным, — люди становятся близкими, словно породненными.

Предлагать пьесу театрам в то время было бессмысленно, и я положил ее в стол. Лишь в 1980 году Афанасий Салын-

ский, главный редактор журнала «Театр», познакомившись с пьесой, захотел ее напечатать. Пьесу опубликовали, путь как будто бы был открыт, и многие захотели ее поставить, но инициативу театров гасили. Состоялись две премьеры у нас, сыграли «Дамского портного» в маленьком театрике на «оф-Бродвей», но настоящей сценической судьбы у пьесы так и не состоялось.

Предлагали режиссеры мне и экранизацию. Я, хорошо познав изурочительные пути кинематографии, от всех соблазнов отказывался. Но недавно молодой режиссер стал добиваться постановки с таким неистовым упорством, что я дрогнул, а узнав его ближе, понял, что он действительно знает, чего хочет, что его замысел близок моему, и я поверил его воображению и уму. Поверил и засел за сценарий, который проходил так же незатруднительно, как в 60-е годы — «Три тополя на Плющихе». Многое меня тревожит в будущей ленте — слишком дорог для меня этот жизненный материал. Но есть и обнадеживающее — хорошо отснята натура и, конечно же, то, что главную роль играет И. Смоктуновский. Закончив пьесу и не веря в ее реальность, я все же в мыслях видел исполнителями двух идеальных для меня и таких разных актеров, как Иннокентий Смоктуновский и Евгений Лебедев.

— Как вы относитесь к тому, что «Дамский портной» снимается в рамках «Фора-фильм» — одной из первых кооперативных киностудий страны?

— Я впервые после 12 своих фильмов столкнулся с таким деловитым, стремительным и четким стилем работы. За многие годы работы в кино я не думал, что возможно обойтись без долгих мук утверждения сценария, что возможно столь полное материально-техническое обеспечение фильма и актеров, снимающихся в нем. Я до сих пор испытываю чувство неловкости за то, сколь мизерную сумму получили Татьяна Дорониная и Олег Ефремов, так блистательно снявшиеся в «Трех тополях», — собственно, и сотворившие фильм при талантливой режиссуре Татьяны Лиозновой. У нас доски на павильоне обходятся гораздо дороже замечательных актерских достижений. Нельзя бесконечно унижать тех, кто, собственно, создает произведения искусства, творит их. Если это принцип «Форы», то он должен стать повсеместным. Так что, как видите, жизнь меня по-прежнему балует, хотя бы и тем, что справедливо ценит труд других.

В этом случае я не вкладываю никакого иронического подтекста в слово «баловень». Нет, несмотря на все сложности моего жизненного пути, мне действительно во многом везло. И прежде всего мое везение связано с людьми — теми, с которыми пересекались судьбы. Сколько же я встретил людей порядочных, значительных, ярких, умных! Многие стали верными друзьями на всю жизнь — это ли не счастье, не везение...

Беседу вел
Ольга ШВЕДОВА.